





Сергей Пономаренко

КАССАНДРА



ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*
Художник *Елена Мовенко*

- © Пономаренко С. А., 2008
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009

ISBN 978-966-14-1644-3 (PDF)

Предисловие

Сергей Пономаренко — автор читаемый и любимый. Он сумел ощутить тонкую грань читательских интересов и пишет о том, что интересно современнику. Однозначно определить жанр его книг трудно. Пожалуй, это огненная смесь крепкого современного детектива, пряной мистики и жгучего триллера с легким добавлением кисло-сладкой любовной ноты. Одним словом, настоящий мужской коктейль (который, впрочем, очень любят и милые дамы).

Конечно, нам не раскрыть всех тонкостей писательской кухни. Знаем только одно — произведения Сергея Пономаренко заслужили наивысшую литературную награду — читательское признание. Его роман «Лик Девы» вошел в десятку лучших книг 2007 года по версии журнала «Корреспондент». Возможно, секрет успеха автора кроется в том, что в каждую книгу он вкладывает частичку своей души. Наверное, без этого по-настоящему хорошую книгу написать нельзя. Не напрасно же говорят, что шедевры пишутся кровью их авторов.

Вот и один из героев романа «Кассандра», художник, создавал картины из своих помыслов, идей и... каплей чужой крови. Ему казалось, что это наделяло живопись магической силой. Ничем хорошим заигрывание с мистическими силами, как известно, не заканчивается. Но обо всем по порядку.

Главный герой, Леонид, торгует произведениями искусства. Нет, он не ценитель живописи или скульптуры — просто делец, который вовремя понял, что на шедевры настоящих мастеров цены никогда не падают. Вдова неизвестного художника предлагает ему реализовать картины мужа. Они, несомненно, интересны: прекрасная техника, великолепное чувство цвета, но сюжеты... Оказывается, художник был последователем тайного индийского учения — агхори — и на своих полотнах изобразил его маги-

ческие ритуалы, призванные привести человека к просветлению. Леонид соглашается на сделку, не подозревая, к каким последствиям она приведет.

Эта увлекательная книга строится на любимом автором приеме — действие разворачивается в двух временных пластах — 10—40-х годах XX века и современности. Действительно, забыв свою историю, человек продолжает вновь и вновь наступать на одни и те же грабли, или, как сказали бы индийцы, вечно вращается в колесе сансары в ожидании просветления.

Увлечение эзотерикой сегодня очень популярно. Слова «гуру», «сансара», «нирвана» заставляют быстрее биться сердца наших соотечественников, ищущих тайные знания. Этот интерес появился не сегодня, всевозможные оккультные кружки и общества процветали в Российской империи еще в конце XIX — начале XX века. Гадалки, предсказатели, оракулы, пожалуй, были и будут востребованы всегда. Конечно же, человек всегда стремился заглянуть за грань неведомого, узнать, что ждет его в будущем. Только надо ли людям знать это? Как жить, если ты уже увидел собственную смерть?

Книга пытается дать ответ на вечный вопрос — что сильнее: воля человека или судьба. За увлекательными поворотами сюжета скрыты серьезные философские рассуждения. Но автор никому не навязывает своего мнения, каждый может сделать собственные выводы или не делать их вовсе. Ведь прежде всего это захватывающий детектив.

Приятного вам чтения!

Когда бываем мы наедине —
Тот, мертвый, третий — вечно между нами,
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою — обо мне.

З. Гиппиус, «Ты любишь?»

Пролог

Лето 1911 года

Роспода! Вы только послушайте рассуждения гласного городской думы!

«Дамские шляпки приносят мужчинам страдания, сопряженные иногда с опасностью для жизни. Были случаи, шпильками выкалывались глаза и уродовались мужские физиономии. Случился скандал, когда дама в модной шляпке повредила глаз одному студенту, который под воздействием боли вышвырнул преступницу из трамвая. Словом, многими несчастиями чревата эта пикантная женская мода телесных и головных уборов ради пустого переменчивого наслаждения, а вернее, для увлечения мужчин», — то и дело захлебываясь смехом и шепелявя, прочитал из брошюры Степан, невысокий курносый шатен плотного сложения в студенческой тужурке с расстегнутыми двумя верхними пуговицами. Крайне бледная кожа, реагирующая на обилие солнечных лучей множеством веснушек, делала лицо весьма забавным, однако барышни, отмечая его талант выдавать массу каламбуров и шуток, признавали его внешность далеко не блестящей.

— Очередной опус господина Ясногурского? Читал-с. Вот такие комедианты смешат народ в городской думе вместо того, чтобы заниматься делами серьезными и полезными, — сдержанно отреагировал Петр, юноша, одетый в темный смокинг, подчеркивающий его легкую стройную фигуру, с выразительными голубыми глазами, которые ярко выде-

лялись на уже успевшем загореть лице. Его длинные черные волосы были набриолинены и зачесаны назад, открывая высокий лоб. Он происходил из состоятельной дворянской семьи, обеспечивающей ему приличное содержание, что позволяло снимать отдельную квартиру с прислугой на Прорезной и иметь в собственности циклонетт*, привезенный из Германии, — предмет зависти студентов среднего достатка. Петр производил неотразимое впечатление на барышень, но при этом держался гордо, независимо, что многие считали высокомерием. На самом деле он был крайне щепетилен в выборе знакомых, заявляя, что главным для него является именно личность, уровень знаний и воспитание. Но многие поражались тому, что его ближайшими друзьями в университете стали вечный балагур Степан, которого никто не воспринимал всерьез, и сын дворника Кузьма, весьма эрудированный, высокоинтеллектуальный юноша, слегка помешанный на мистике и исторической науке.

— А какая тема может быть прекраснее и интереснее для мужчин, чем обсуждение слабостей прекрасного пола?! — решил подразнить приятеля Степан. — В наше время барышни весьма подвержены влиянию заграничной моды на эмансипацию. На Крещатике все портные — с немецкими и французскими фамилиями, а по физиономиям нетрудно определить, что это Кацы и Штейны.

— Какая разница, кто они — французы или евреи, если шьют качественные, модные вещи?! — чуть раздраженно вступил в спор Кузьма, юноша в студенческой тужурке, высокого роста, худощавый, астенического сложения.

Несмотря на молодость, он уже успел обзавестись залысинами в окружении редких волос; его черные запавшие глаза в ореоле вечных синяков от недосыпания были всегда полны мысли; на худощавом, вытянутом лице выделял-

* Трехколесный самоходный экипаж с маломощным мотором, предшественник мотоцикла с коляской.

ся большой нос с горбинкой. На курсе над Кузьмой потешались, а за глаза как только ни называли: «лысая каланча», «дворник», «циркуль»; смеялись, что для его появления на свет отец не приложил ни малейших усилий, а постарался явно один из жильцов доходного дома, где тот работал. И в самом деле, долговязый, как бы тянувшийся вверх Кузьма совсем не походил на отца — низенького, круглолицего, фигурой смахивающего на колобка. Кузьма на это не обращал внимания. Он отличался глубоким знанием предметов и мог с отличием завершить учебу. Но с тех пор, как с ним подружился Петр, насмешки поутихли — боялись вспылчивого характера Петра, который проявился не сразу. Однажды Петр, услышав шутку с бородой по поводу родителей Кузьмы, молча отправил шутника одним ударом в глубокий нокаут. Вспыхнул скандал, Петру грозило отчисление, а тот вел себя по-прежнему независимо и наотрез отказался просить прощения. Приехал отец Петра и замял скандал, но виновник держался до конца, так и не признав совершенного проступком.

Прятели неспешно прогуливались по Владимирской горке. Оставив за спиной каменный постамент великого князя с темным крестом, усеянным электрическими лампочками, они направились на звуки военного духового оркестра, разместившегося в ажурной чугунной беседке, из которой открывался чудесный вид на могучую реку, еще не вошедшую в берега после весеннего разлива. Субботний вечер только начинался, но на тенистых парковых аллеях уже становилось многолюдно, сюда стягивался люд, не желавший платить за вход и развлечения в «Шато де Флер». Непривычно стойкая жара на протяжении последних десяти дней, без дождей, заставляла искать спасения в тени деревьев многочисленных парков, которыми был издавна славен древний город.

Попавшим на эту гору-парк становилось необычно покойно: спадало дневное напряжение, дурные мысли улету-

чивались, на смену приходили легкость, ностальгические мысли о бренности человеческого существования: короток человеческий век, пройдет совсем немного времени, и здесь будут гулять потомки, любуясь каштанами, кленами, липами, которые за это время станут лишь выше.

А какой здесь воздух, напоенный ароматами, характерными для каждого времени года! Даже зимой тут дышится не так, как внизу, снег не такой, как в городе, не спешит растаять, дотягивая чуть ли не до мая. И сразу за ним — буйство зелени, словно взмахнули волшебной палочкой — и в один миг деревья надели праздничные зеленые наряды. А золото осени магически притягивает взгляд и что-то загадочно-интимно нашептывает прохожему, шурша опавшими листьями.

Вот в этом чудесном парке приятели и спрятались от пыльной раскаленной мостовой, цокота копыт, покрякиваний извозчиков, вони конских испражнений, трелей электрических трамваев, свистков строгих кондукторов, пронзительных сигналов клаксонов самоходных экипажей и неумолкающего прибора человеческих голосов, в котором чего только ни различишь.

— Господа студенты! Купите газету — последние новости: убийца рабочих Червоненкис сам пришел в полицейский участок! — выкрикнул лохматый мальчишка, продавец газет, завладев вниманием студентов. — Его будет защищать знаменитый адвокат Богров!

— Столько убитых и покалеченных под обвалом сооружаемого высотного шестиэтажного дома, а ему наверняка сойдет это с рук благодаря ловкости адвоката, знающего, с кем сыграть партию в винт*! В крайнем случае виновным сделают десятника! — нервно сказал Кузьма, а Петр сунул мелочь мальчишке и, получив газету, протянул ее Степану:

— Это поинтереснее нелепых высказываний гласного городской думы.

* Карточная игра наподобие преферанса.

— Строительный бум для кого-то оборачивается горем, — веско произнес Кузьма. — Сейчас строиться — значит разбогатеть. Возведенные дома сразу закладываются в банк или кредитное общество, а на полученный кредит возводится новый дом, который хорошо продается, даже без завершения внутренних работ. Результатом погони за рублем стало сооружение наскоро многоэтажек, не исключено, что некоторые из них со временем обрушатся. А виновного тогда и подавно не сыщут!

— Посмотрите на этих дам... Поистине начавшийся двадцатый век — время эмансипированных женщин, которые ничего не боятся, — вновь засмеялся Степан и указал на трех барышень, прогуливавшихся в сопровождении офицера в парадном мундире.

На дамах были полупрозрачные шаровары разных цветов, открывающие взору их прелести, и воздушные накидки. Они шли, громко смеясь и разговаривая, не обращая внимания на то, какое впечатление производят своим видом. За ними, на расстоянии пяти-шести шагов, двигалась все увеличивающаяся группа людей, громко выкрикивавших язвительные насмешки в сторону барышень. Офицер, красный как рак, деланно улыбался, его правая рука все тянулась к сабле, но спутницы, видимо, его успокаивали.

— На Крещатике возмущенная толпа загнала двух дам в подобном одеянии в магазин, и только наряд полицейских смог их оттуда выволить, — добавил Степан, поедая глазами зрелище, готовое в любой момент обернуться скандалом.

— Вы господин Марченко? — обратился к Петру улыбающийся румяный детина в красной фуражке с бляхой «Посыльный». — Извольте получить пакет и расписаться.

То, что он назвал пакетом, на самом деле было крошечным конвертиком. Степан шумно втянул носом воздух — запах стойкого, явно французского парфюма информировал, что послание от женщины.

— Как ты меня нашел? — удивился Петр, беря и небрежно распечатывая конверт. Достал маленький, сложенный пополам листочек мелованной бумаги, глянул мельком.

— Мне сообщили, что вы будете здесь или в «Варшавском кафе» на Лютеранской, за шахматами. Приказали дожидаться ответа.

Петр прямо на листке написал несколько строк, спрятал его в конверт и отдал посыльному.

— Держи на чай! — Петр протянул ему мелочь, которую высыпал не глядя из портмоне.

Посыльный с поклоном и довольным видом удалился.

— Похоже, наша встреча прерывается? — с улыбкой спросил Кузьма.

— Нет, ведь сегодня памятная для нас дата, — покачал головой Петр. — Ровно год прошел.

— Вспомнил? — обрадовался Кузьма. — А то после занятый ты приедешь, словно собрался на бал.

— Была договоренность о встрече в Купеческом клубе, но потом я вспомнил о юбилее и все отменил.

— Понятно: партию в винт отменил, фараон* проигнорировал, а вот письмецо... — Степан лукаво подмигнул.

— Дружба — это святое, и никакая женщина не сможет нарушить наши планы на сегодняшний вечер, — серьезно произнес Петр. — Я ей сообщил, что занят, и просил перенести встречу на последующие дни.

— Ведь это юная баронесса? Похвали меня за мою прозорливость. Однако ей отказать... Такие дамочки не прощают кавалерам подобных проступков. — Степан страдальчески закатил глаза.

— Степан, откуда у тебя такие познания? Неужели и ты был кавалером титулованной особы? — захохотал Кузьма, но Петр остановил его взглядом.

* Карточная игра.

— Сегодня ровно год, как мы создали свое братство, стали побратимами, — торжественно произнес Петр. — Поклялись не оставлять друг друга в беде, идти рядом по жизни и передать эти принципы нашим детям, внукам. По этому случаю приглашаю посетить вместе со мной «Конкордию». Я как член клуба представляю вас некоторым особам, знакомство с которыми вам будет полезно в дальнейшем — ведь через два года мы покинем стены университета.

— Может, отметим событие в более простой обстановке? — предложил Кузьма. — На Трухановом острове или в Предмостной слободке, там есть такие чудесные места!

— Тем более что мы не сможем чувствовать себя в клубе свободно, когда в кармане ветер свистит, — поддержал Степан.

— Вам пора заявить о себе в обществе, к сожалению, лучше всего это сделать в картежном клубе, — рассмеялся Петр. — Варшава танцует, Краков молится, Львов любит, Вильна охотится, а старый Киев играет в карты. Деньги на игру я дам, но не увлекайтесь.

— Знаете, символично, что мы создали братство именно в этом месте, — с жаром произнес Кузьма. — Если наш город разделить на зоны по знакам зодиака, то, согласно расчетам, Владимирская горка находится под тринадцатым знаком зодиака, именуемым Змееносцем.

— Увлечение астрологией тебя до добра не доведет, — бросил Степан. — Всюду ищешь знаки.

— Всегда считал, что знаков зодиака двенадцать, так и в книжках написано, — заметил Петр.

— Об этом тринадцатом знаке знали еще древние, а Луна проходит его в период с 17 по 27 ноября. По древнегреческой легенде, Зевс поразил молнией Фаэтона, сына бога солнца Гелиоса, за то, что тот взял без спроса колесницу отца и, падая, устроил страшный пожар, который длился десять дней и испепелил все вокруг. Отсюда эти десять дней